

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

ИЗДАНИЕ ШВЕЙЦАРСКАГО ОТДѢЛА „СВОБОДНАГО СЛОВА“

Ежемесячное обозрѣніе подѣ редакціей П. Бирюкова.

Мѣсто редакціи **Adresse:**

PAUL BIRUKOFF

Neuve route de Bernex, 49.
près Genève. Suisse.

Dépôts:

Georg & Co. Corratier, 40, GENÈVE.

Société Nouvelle de librairie et
d'édition
Rue Cujas 17, PARIS.

Prix d'Abonnement:

Un an Fr. 5. 00
6 mois „ 2. 50
3 mois „ 1. 25
Chaque numéro 50
Съ пересылкой въ Россію 10 fr.

СОДЕРЖАНИЕ: 1. Подписчикамъ и читателямъ.
— 2. Гдѣ выходѣ? Л. Н. Толстого. — 3. Изъ
международной жизни: Намъ пишутъ изъ
Лосерно (Tessin). — 4. Изъ русской жизни:
Намъ пишутъ изъ Кіева. — 5. Духоборы: а)
Письмо уполномоченныхъ, б) Письмо изъ Канады.
— 6. Отказы отъ воинской повинности:
Дѣл. Шопова. — 7. Красный Крестъ. В. Б. —
8. Типографія: О переводахъ «Воскресе-

ніе». *дѣло лицемъ, секретаремъ редакціи, или
пожелавшимъ принять безвозмездное уча-
стіе въ этомъ дѣлѣ, или лицемъ, трудъ
котораго долженъ быть оплаченъ. Послед-
нее могло бы осуществиться только въ
случаѣ полученія пожертвованія на этотъ
предметъ или правильнаго поступленія
подписной платы, на что трудно разчи-
тывать нелегальному русскому изданію.
Типографскій трудъ также, конечно, мо-
жетъ быть пожертвованъ или самимъ
трудомъ, или деньгами. Кроме того очень
важно содѣйствіе всѣхъ лицъ сочувствую-
ющихъ этому дѣлу корреспонденціями,
присылкой газетныхъ вырѣзокъ на всѣхъ
европейскихъ и азиатскихъ языкахъ, ука-
зывающихъ на факты могущіе послужить
материалами для „Свободной Мысли“;
можно также оказать важное содѣйстви-
е распространеніемъ свѣдѣній о жур-
налѣ.*

Годовая смета расходовъ по изданію,
при которыхъ я могъ бы продолжать это
дѣло, слѣдующая.

1. 12 №№ наборъ, печать и бумага	
1000 экз. по 110 фр. за №	1320
2. За 12 мѣсяцевъ секретарю ре- дакціи по 50 фр. въ мѣсяцъ	600
3. Выписка газетъ и журналовъ	100
4. Почтовые расходы	200
5. Объявленія и другіе мелкіе расходы	100

Итого 2320

Путемъ подписки до сихъ поръ я не
могъ собрать болѣе 300 франковъ въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ И ЧИТАТЕЛЯМЪ

Съ видя въ читателя. „Свободная
Мысль“ стала выходить не аккуратно и
е угрожаетъ опасность со временемъ прекра-
титься, если тѣ, кому она нужна не
идутъ на помощь. Если же она никому
не нужна, то ей и существовать неза-
чѣ. А я думаю, что этотъ, единствен-
ный въ своемъ родѣ, періодическій органъ,
можетъ имѣть значеніе. Помощь же,
которую могутъ оказать читатели состо-
итъ въ слѣдующемъ.

До сихъ поръ существованіе „Свободной
Мысли“ поддерживалось моими личными
услугами и типографской работой, кото-
рую я оплачивалъ изъ небольшого запаса
о денежныхъ средствъ, имѣвшихся въ мо-
емъ распоряженіи. Теперь запасъ этихъ
средствъ истощился, а кроме того мои
личныя и хозяйственныя дѣла отнима-
ютъ у меня столько времени, что я уже
не могу отдавать прежнее количество
силъ на изданіе.

Часть этой редакторской и издатель-
ской работы, которую производилъ я, могла
быть сдѣлана приглашеннымъ на это

и потому полагаю, что для годового ведения дѣла нужно 2000 франковъ или на похода 1000 фр.

Я съ своей стороны буду продолжать по мѣрѣ силъ это дѣло, ища помощниковъ, но безъ этой поддержки не могу ручаться за аккуратность и своевременность выхода моего журнала.

П. Бирюковъ.

ГДѢ ВЫХОДЪ?

I.

Родился въ деревнѣ мальчикъ, растеть, работаетъ, вмѣстѣ съ отцомъ, съ дѣдомъ, съ матерью.

И вотъ видитъ мальчикъ, что съ той пашни, которую онъ съ отцомъ пахалъ, скородилъ, и сѣялъ, которую косили, жали и возили мать съ дѣвкой, снопы съ которой онъ самъ стаскивалъ въ конны, помогая матери. — видитъ мальчикъ, что первая конны съ пашни этой везетъ его отецъ не къ себѣ, а мимо сада на гумно помѣщику. Видитъ мальчикъ проѣзжая съ скрипучимъ возомъ, который они увязали съ отцомъ, мимо барскаго дома, какъ тамъ на балконѣ сидитъ нарядная барыня за блестящимъ самоваромъ и уставленнымъ посудой, пирогами и сладостями столомъ, какъ по другой сторонѣ дороги на разчищенной площадкѣ играютъ въ расшитыхъ рубашкахъ и блестящихъ сапогахъ два помѣщичьихъ мальчика въ мячъ. Одинъ забросилъ мячъ черезъ возъ.

— Подними мальчикъ! — кричитъ онъ.

— Подними, Васька! — кричитъ на своего сына отецъ, снявшій шапку и шагающій у воза съ возжами.

Что же это такое? думаетъ мальчикъ. „Я уморился на работѣ, а они играютъ, и я же имъ поднимай мячикъ.“ Но онъ поднимаетъ мячикъ и барченокъ, не глядя на него, беретъ своей бѣлой рукой изъ загорѣлой черной руки крестьянскаго мальчика мячикъ и идетъ къ своей игрѣ.

Отецъ съ возомъ прошелъ дальше. Мальчикъ догоняетъ его рысью, шлепая растрепанными бахилками по пыльной дорогѣ, и они вмѣстѣ въѣзжаютъ на барское гумно, полное возовъ съ снопами. Суетливый приказчикъ въ пропотѣвшемъ въ спинѣ парусинномъ пиджакѣ съ пруткомъ въ рукѣ встрѣчаетъ мальчкова

отца съ брапью за то, что не туда заѣхалъ. Отецъ извиняется, устало шагаетъ, дергаетъ возжами измученную лошадь и заѣзжаетъ на другую сторону.

Мальчикъ подходитъ къ отцу и спрашиваетъ: „Батя, за что-же мы ему свою рожь веземъ? Вѣдь мы ее работали?“

— А вотъ за то, что земля ихняя, серdito отвѣчаетъ отецъ.

— Кто же имъ землю отдалъ?

— А вотъ ты спроси у приказчика. Онъ тебѣ покажетъ кто. Видишь пруть то?

— А куда же они этотъ хлѣбъ дѣнутъ?

— А обмолотятъ, да продадутъ.

— А деньги куда дѣнутъ?

— А вотъ тѣхъ самыхъ куличей накупятъ. Видѣлъ на столѣ — мимо ѣхали.

Мальчикъ замолкаетъ и думаетъ. Но думать долго некогда. На отца кричатъ, чтобы онъ подвигалъ возъ къ скирду. Отецъ подвигаетъ возъ, влѣзаетъ на него, и, развязавъ съ трудомъ, все болѣе и болѣе выворачивая свою грыжу, вскидываетъ снопы на скирдъ, а мальчикъ держитъ старую кобылу, на которой онъ второй годъ ѣздитъ въ денное, обмахиваетъ ее отъ оводовъ, какъ велѣлъ отецъ, и все думаетъ и никакъ не можетъ понять отчего земля не тѣхъ, кто работаетъ на ней, а тѣхъ барчатъ, которые въ расшитыхъ рубахахъ играютъ въ мячъ и пьютъ чай съ куличами.

* * *

Мальчикъ думаетъ объ этомъ и за работой, и когда ложится спать, и когда стережетъ лошадей, — и не находитъ отвѣта. Всѣ говорятъ, что такъ надо, и всѣ такъ живутъ.

И мальчикъ вырастаетъ и его женятъ, и у него родятся дѣти, и дѣти его также спрашиваютъ и удивляются, и онъ имъ такъ же отвѣчаетъ, какъ ему отвѣчалъ отецъ. И такъ же живя въ нуждѣ, покорно работаетъ на чужихъ, праздныхъ людей.

И такъ онъ живетъ и такъ живутъ всѣ вокругъ него. Куда онъ ни пойдетъ, ни поѣдетъ, вездѣ, — какъ поразкажетъ странникъ — вездѣ тоже самое. Вездѣ мужики черезъ силу работаютъ на чужихъ, праздныхъ людей, наживаютъ себѣ грыжи, одышки, чахотки, пьютъ съ горя и умираютъ прежде времени; женщины надрываются изъ послѣднихъ силъ сварить, обрядить скотину, обмыть, одѣть

мужиковъ и тоже прежде времени старѣются и чахнутъ отъ неносильныхъ и не во время трудовъ.

И вездѣ тѣ, на кого они работаютъ заводятъ коляски, кареты, иноходцевъ, собакъ, строятъ бесѣдки, игры, и отъ Пасхи до Пасхи съ утра до вечера наряжаются какъ въ праздникъ, играютъ и ѣдятъ и пьютъ каждый день такъ, какъ и въ самый большой праздникъ не бываетъ угощенья у того кто на нихъ работаетъ.

II.

Отчего это такъ?

И первый отвѣтъ представляющійся рабочему земледѣльцу тотъ, что это отъ того, что у него отнята земля и отдана тѣмъ, которые не работаютъ на ней. Ёсть надо съ семьей. А земли у работающаго крестьянина или вовсе нѣтъ, или мало, такъ мало, что она не прокормитъ его съ семьей. Такъ что либо умирай съ голода, либо бери землю, которая тутъ же подъ дворами, но принадлежитъ не работающимъ; бери землю, соглашаясь на тѣ условія, которыя поставятъ тебѣ.

Сначала кажется такъ, но дѣло не въ одномъ этомъ: есть крестьяне у которыхъ достаточно земли, и они могли бы кормиться на ней.

Но оказывается, что и такіе крестьяне, всѣ, или частью, опять-таки отдаются въ рабство. Отчего это такъ? А оттого, что крестьянамъ нужно купить на деньги сошники, косы, подковы, матеріалы для постройки, керосинъ, чай, сахаръ, вино, веревки, соль, спички, ситцы, табакъ; деньги-же, которыя добываетъ крестьянинъ продажей своихъ произведеній, у него постоянно отбираютъ въ видѣ податей и прямыхъ, и косвенныхъ и еще накладываютъ лишнюю цѣну на тѣ вещи, которыя онъ покупаетъ. Такъ что большинство крестьянъ иначе не могутъ добыть нужныхъ денегъ, какъ тѣмъ, чтобы запродаваться въ рабство тѣхъ, у кого есть деньги.

Это и дѣлаютъ крестьяне и ихъ жены и дочери. Нѣкоторые запродаются у себя по близости, другіе запродаются вдаль, въ столицы, въ лакеи, кучера, няньки, кормилицы, горничныя, банщицы, трактирщицы, и главное, въ фабричныя рабочіе, уходя въ города цѣлыми семьями.

Запродавшись же въ города въ эти должности, деревенскіе люди отвыкаютъ отъ земельного труда и простоты жизни, и привыкаютъ къ городской пищѣ, одеждѣ, питью, и этими привычками еще больше закрѣпляютъ свое рабство.

Такъ что не одинъ недостатокъ земли причиной того, что рабочій въ рабствѣ у богатыхъ; причиной этого и подати, накладываемыя цѣны на товары и роскошныя городскія привычки, къ которымъ, уходя изъ деревень, привыкаютъ деревенскіе рабочіе.

Началось рабство съ земли: съ того, что земля была отнята отъ рабочихъ, но поддерживалось и усиливалось это рабство податями; укрѣпилось же, утвердилось это рабство тѣмъ, что люди отвыкли отъ деревенскаго труда и привыкли къ городской роскоши, которую ничѣмъ инымъ удовлетворить нельзя, какъ продажей себя въ рабство тѣмъ, у кого есть деньги, и рабство это все болѣе и болѣе распространяется и укрѣпляется.

Въ деревняхъ живутъ люди впроголодь; въ неустанномъ трудѣ и нуждѣ, въ рабствѣ у землевладѣльцевъ: въ городахъ и на заводахъ на фабрикахъ живутъ фабричныя — поколѣнія за поколѣніями, и физически и нравственно развращаемые не свойственнымъ челоѣку однообразнымъ, скучнымъ, нездоровымъ трудомъ, въ рабствѣ у заводчиковъ и фабрикантовъ. И съ годами положеніе людей какъ тѣхъ, такъ и другихъ становится все хуже и хуже. Въ деревняхъ становятся люди все бѣднѣе и бѣднѣе, потому что больше людей уходитъ на фабрики. Въ городахъ становятся хотя и не бѣднѣе, а напротивъ, какъ будто богаче, но за то все невоздержнѣе и невоздержнѣе, и все неспособнѣе и неспособнѣе ко всякой другой работѣ, кромѣ той, къ которой они привыкли, и поэтому все болѣе и болѣе во власти фабрикантовъ.

Такъ что власть и землевладѣльцевъ и фабрикантовъ, вообще богатыхъ, становится все сильнѣе и сильнѣе; а положеніе рабочихъ все хуже и хуже.

Какой же выходъ изъ этого положенія? И есть-ли какой нибудь?

III.

Казалось бы освобожденіе отъ земельного рабства очень легко. Для освобож-

денія этого нужно только признать то, что само собою разумѣется и въ чемъ люди никогда не усумнились бы, если бы ихъ не обманывали, а именно то, что всякій родившійся человекъ имѣетъ право кормиться съ земли, такое же, какое каждый имѣетъ на воздухъ или солнце и что поэтому никто, не работая на землѣ, не имѣетъ права считать землю своею и за рещать другимъ работать на ней.

Но этого освобожденія земли отъ земельного рабства правительство никогда не позволить сдѣлать, потому что большинство лицъ, составляющихъ правительство, владѣютъ землями и на этомъ владѣніи основано все ихъ существованіе.

И они знаютъ это, и потому всѣми силами держатся за это право и отстаиваютъ его.

Лѣтъ 30 тому назадъ Ганри Джорджъ предлагалъ не только разумный, но вполне исполнимый проектъ освобожденія земли отъ собственности. Но ни въ Америкѣ, ни въ Англіи, (во Франціи даже не говорятъ про это), не только не приняли его проектъ, но всячески старались опровергнуть, а такъ какъ нельзя опровергнуть, то замолчали его.

Если же въ Америкѣ и Англіи проектъ этотъ не приняли и не принимаютъ, то еще меньше надежды чтобы проектъ этотъ былъ принятъ въ государствахъ монархическихъ, какъ въ Германіи, Австріи, Россіи.

Въ Россіи у насъ огромныя пространства земли захвачены частными лицами, и царемъ, и царской фамиліей, и потому нѣтъ надежды, чтобы эти люди, чувствуя себя столь же бесполезными безъ права на землю, какъ птенцы въ гнѣзда не только отказались отъ своего права, но допустили бы нарушеніе этого права и не боролись бы изъ послѣднихъ силъ за это право. И потому, пока сила будетъ на сторонѣ правительства, составленнаго изъ землевладѣльцевъ, освобожденія отъ земельной собственности не будетъ.

Также мало и еще меньше возможно освобожденіе отъ податей. Податями живетъ все правительство, отъ главы государства — царя, до послѣдняго городского. И потому уничтоженіе самимъ правительствомъ податей также немыслимо какъ то, чтобы человекъ отнялъ самъ у себя свое единственное средство существованія.

Правда, теперь нѣкоторыя правительст-

ва какъ будто стараются снять съ народа тяжесть податей посредствомъ перенесенія ихъ на доходъ, увеличивая размѣръ податей по мѣрѣ увеличенія доходовъ. Но такое перенесеніе податей съ прямого обложенія на доходъ не можетъ облегчить народъ, потому что богатые, т. е. купцы, владѣльцы земли и капиталовъ по мѣрѣ увеличенія подати, будутъ увеличивать цѣны на товары, нужные рабочимъ, на землю и будутъ уменьшать цѣны на трудъ. Такъ что всю тяжесть податей понесутъ все таки рабочіе.

Для освобожденія же рабочихъ отъ рабства, происходящаго отъ обладанія капиталистами орудіями производства, предлагается учеными людьми цѣлый рядъ мѣръ, вслѣдствіе которыхъ по ихъ предложеніямъ плата рабочимъ должна все увеличиваться и увеличиваться, часы же работы уменьшаться и наконецъ всѣ орудія производства должны перейти изъ собственности хозяевъ въ руки рабочихъ, такъ, чтобы рабочіе, обладая всѣми фабриками и заводами, не обязаны бы были отдавать часть своего труда капиталистамъ, а имѣли бы за свою работу всѣ нужные предметы потребленія. Способъ этотъ проповѣдуется въ Европѣ: въ Англіи, во Франціи и въ Германіи уже болѣе 30 лѣтъ, но до сихъ поръ нѣтъ не только осуществленія этого способа, но ни малѣйшаго приближенія къ нему.

Существуютъ союзы рабочихъ, дѣлаются стачки, посредствомъ которыхъ рабочіе выговариваютъ себѣ меньше работы и больше платы, но такъ какъ правительства, связанныя съ капиталистами, не дозволяютъ и никогда не дозволятъ отнятія орудій производства у капиталистовъ, то сущность дѣла остается все та же.

Рабочіе, получая большую плату и меньше работая, увеличиваютъ свои потребности и вслѣдствіе этого остаются все въ томъ же рабствѣ у капиталистовъ.

Такъ что рабство, въ которомъ находятся рабочіе, очевидно не можетъ быть уничтожено до тѣмъ поръ пока правительства будутъ во 1-хъ удерживать земельную собственность за неработающими землевладѣльцами, во 2-хъ будутъ собирать подати — прямыя и косвенныя, и въ 3-хъ будутъ защищать собственность капиталистовъ.

IV.

Рабство рабочихъ происходитъ отъ того, что существуютъ правительства. Но если рабство рабочихъ происходитъ отъ правительства, то для освобожденія естественно представляется необходимость уничтоженія существующихъ правительствъ и установленіе новыхъ правительствъ, такихъ, при которыхъ было бы возможно освобожденіе земли отъ собственности, уничтоженіе податей и передача капиталовъ и фабрикъ во власть и распоряженіе рабочихъ.

Есть люди, признающіе возможнымъ этотъ выходъ, и готовящіеся къ нему. Но къ счастью (потому что такое дѣйствіе, всегда связанное съ насиліемъ и убійствомъ, безправственно и губительно для самаго того дѣла, какъ это много разъ повторялось въ исторіи) — такіа дѣйствія невозможны въ наше время.

Уже давно прошло то время, когда правительства еще наивно вѣрили въ свое благое для человѣчества назначеніе и не принимали мѣръ обезпеченія себя отъ возмущеній (кромѣ того, тогда не было желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ), и легко свержались, какъ это было въ Англіи въ 1640 г., во Франціи въ большую революцію и послѣ и въ Германіи въ 48-мъ г. Съ тѣхъ поръ была только одна революція въ 1871 году, и та въ исключительныхъ условіяхъ. Въ наше же время революціи и сверженіе правительствъ прямо невозможны. Невозможны они потому, что въ наше время правительства, зная свою ненужность и злобредность и то, что въ наше время никто уже не вѣритъ въ ихъ святость, руководятся однимъ чувствомъ самосохраненія и, пользуясь всѣми тѣми средствами, которыми они обладаютъ, постоянно на сторожѣ противъ всего того, что можетъ не только нарушить, но пошатнуть ихъ власть.

У каждаго правительства въ наше время есть армія чиновниковъ, связанная желѣзными дорогами, телеграфами, телефонами, есть крѣпости, тюрьмы со всѣми новѣйшими приспособленіями — фотографіи, антропологическія измѣренія, мины, пушки, ружья, всѣ самыя усовершенствованныя орудія насилія, какія только есть, и какъ что новое выходитъ, тотчасъ-же примѣняется для ихъ цѣли самосохраненія. Есть организація шпіонства, подкупное духо-

венство, подкупные ученые, художники, пресса. Главное же, у каждаго правительства есть комплектъ извращенныхъ патріотизмомъ, подкупомъ и гипнотизмомъ офицеровъ, и милліоны сильныхъ физически и нравственно неразвитыхъ 21-лѣтнихъ дѣтей-солдатъ, или сбродъ безправственныхъ нанятыхъ людей, одуренныхъ дисциплиной и готовыхъ на всякое преступленіе, которое имъ предпишутъ ихъ начальники.

И потому въ наше время уничтожить правительство, обладающее такими средствами и стоящее всегда на сторожѣ, — силою невозможно. Никакое правительство не допуститъ себя до этого. А до тѣхъ поръ пока будетъ правительство, оно будетъ поддерживать землевладѣніе, собраніе податей и владѣніе капиталами, потому что крупные землевладѣльцы, чиновники, получающіе жалованье изъ податей, и капиталисты составляютъ части правительства. Всякая попытка рабочихъ овладѣть землею, принадлежащей частнымъ собственникамъ, кончится всегда тѣмъ, чѣмъ она кончалась всегда, тѣмъ, что придутъ солдаты, побьютъ и прогонятъ тѣхъ, которые хотятъ захватить землю и отдадутъ ее собственнику. Тѣмъ же кончится всякая попытка не заплатить требуемой подати — придутъ солдаты, отнимутъ то, что требуется на подати и побьютъ того, кто отказывался отдать требуемое. То же будетъ и съ тѣмъ, кто попытается (не то что захватить орудія производства, фабрику но, даже отстоять стачку, не дать чужимъ рабочимъ сбивать цѣну работы. Придутъ солдаты и разгонятъ участниковъ, какъ это происходило и происходитъ безпрестанно, вездѣ, и въ Европѣ и въ Россіи. Пока въ рукахъ правительства, живущаго податями, и связаннаго съ собственниками земли и капиталовъ — солдаты, революція невозможна. И до тѣхъ поръ пока въ рукахъ правительства солдаты, устройство жизни будетъ такое, какое желательно тѣмъ, въ рукахъ кого солдаты.

V.

И потому естественно является вопросъ: кто же эти солдаты?

Солдаты эти тѣ самые люди, у которыхъ отнята земля, съ которыхъ собираютъ подати и которые находятся въ рабствѣ у капиталистовъ.

Зачѣмъ-же они, эти солдаты идутъ противъ себя?

А дѣлаютъ они потому, что не могутъ поступать иначе. Не могутъ же они поступать иначе потому, что длиннымъ сложнымъ прошлымъ и воспитанію, и религіознаго обученія, и гипнотизаціи, они приведены въ такое состояніе, что не могутъ разсуждать, а могутъ только повиноваться. Правительство, имѣя въ своихъ рукахъ отобранныя у народа деньги, на эти деньги подкунаетъ всякаго рода начальниковъ, которые должны вербовать солдатъ, и потомъ начальниковъ военныхъ, которые должны обучать, т. е. лишать солдатъ человѣческаго сознанія, главное же, на эти деньги правительство подкупаетъ учителей и духовенство, которые должны всѣми средствами внушать и взрослымъ и дѣтямъ, что солдатство, т. е. приготовленіе къ убійству есть не только дѣло полезное людямъ, но и доброе и богоугодное. И годъ за годами, не смотря на то, что они видятъ, что они и имъ подобные порабащаютъ народъ богачамъ и правительству, они цокорно постоунаютъ въ солдаты и, поступивъ, безпрекословно исполняютъ все, имъ предписанное, хотя бы то было не только очевидный вредъ своимъ братьямъ, но убійство своихъ родителей.

Подкупленные чиновники, военные учителя и духовенство приготавливаютъ солдатъ одуряя ихъ.

Солдаты, по приказанію начальниковъ ~~и~~ подѣ угрозой лишенія свободы, ранъ и убійствъ, отбираютъ доходы съ земли — подати, и доходы съ фабрикъ, съ торговли въ пользу правящихъ классовъ. Правящіе же классы часть тѣхъ денегъ употребляютъ на подкупъ начальниковъ, военныхъ учителей и духовенства.

VI.

Такъ что кругъ замкнуть и выхода какъ будто нѣтъ никакого.

Предлагаемый революціонерами выходъ, состоящій въ томъ, чтобы силою бороться съ силою, очевидно невозможенъ. Правительства, владѣя уже дисциплинированной силой, никогда не позволяютъ образованію другой такой-же дисциплинированной силы. Всѣ попытки прошлаго столѣтія показали, какъ тщетны такіа попытки. Выходъ тоже не въ томъ, какъ это думаютъ нѣкоторые социалисты, чтобы образовать

такую большую экономическую силу, которая могла бы побороть сплотившую и все болѣе спланивающуюся силу капиталистовъ. Никогда союзы рабочихъ, владѣющіе нѣсколькими жалкими милліонами, не будутъ въ состояніи бороться съ экономическимъ могуществомъ милліардеровъ, всегда поддерживаемыхъ военною силою. Также мало возможенъ выходъ предлагаемый другими социалистами и состоящій въ овладѣніе большинствомъ парламента. Такое большинство въ парламентѣ ничего не достигнетъ до тѣхъ поръ, пока войско будетъ въ рукахъ правительства. Какъ только рѣшенія парламента будутъ противны интересамъ правящихъ классовъ, правительство закроетъ и разгонитъ такой парламентъ, какъ это всегда и повторялось и будетъ повторяться, пока войско въ рукахъ правительства. Внесеніе въ войско социалистическихъ принциповъ ничего не сдѣлаетъ. Гипнотизмъ войска такъ искусно приспособленъ, что самый свободомыслящій и разумный человѣкъ, до тѣхъ поръ пока онъ въ войскѣ, всегда будетъ исполнять то, что отъ него потребуется. Такъ что выходъ не въ революціи, и не въ социализмѣ.

Если есть выходъ, то это тотъ, который до сихъ поръ никогда не употреблялся, и который между тѣмъ только одинъ несомнѣнно уничтожаетъ всю столь сложно и искусно и такъ давно устроенную правительственную машину порабоженія народа. Выходъ этотъ въ томъ, чтобы отказываться отъ поступленія въ военную службу, еще прежде чѣмъ попадешь подѣ одуряющее и развращающее вліяніе дисциплины.

Выходъ этотъ единственно возможный и вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно обязательный для каждого честнаго человѣка. Онъ единственно возможный, потому что существующее насиліе держится на трехъ дѣйствіяхъ правительствъ: на грабежѣ народа, на раздачѣ этихъ награбленныхъ денегъ тѣмъ, кто устраиваетъ этотъ грабежъ, и на наборѣ народа въ солдаты.

Частный человѣкъ не можетъ помѣшать правительству производить грабежъ народа посредствомъ набраннаго войска, не можетъ также помѣшать раздавать собранныя съ народа деньги, тѣмъ, которые нужны правительству для набора солдатъ и одуренія ихъ, но онъ можетъ помѣшать

поступленію народа въ солдаты, самъ не поступаая въ солдаты, и разбясняя другимъ людямъ сущность того обмана, на который они попадають поступаая въ солдаты.

Но мало того, что каждый частный человекъ можетъ это дѣлать, всякій частный человекъ долженъ это дѣлать. Всякій частный человекъ долженъ это дѣлать потому, что поступленіе въ военную службу есть отреченіе отъ всякой религіи, какую бы онъ ни исповѣдывалъ (всякая запрещаетъ убійство), отреченіе отъ человѣческаго достоинства, есть добровольное поступленіе въ рабство, имѣющее цѣлью только убійство.

Въ томъ единственный возможный, необходимый и неизбѣжный выходъ изъ того порабощенія, въ которомъ правящіе классы держатъ рабочихъ.

Выходъ не въ томъ, чтобы насиліемъ разрушать насиліе, не въ томъ, чтобы захватить орудія производства, или въ парламентахъ бороться съ правительствами, а въ томъ, чтобы каждому человеку самому себѣ создавать истину, исповѣдывать ее и поступать сообразно съ ней. Истина же о томъ, что человекъ не долженъ убивать ближняго уже на столько сознана человечествомъ, что она извѣстна каждому.

Только бы люди прилагали свои силы, не къ внѣшнимъ явленіямъ, а къ причинамъ ихъ: къ своей жизни, и какъ воскъ отъ лица огня, растаяла бы та власть насилія и зла, которая теперь держитъ и мучаетъ людей.

Левъ Толстой.

Октябрь 1900.

ИЗЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

НАМЪ ПИШУТЪ ИЗЪ LOCARNO (Tesslin)

«На дняхъ нахлынуло сюда много интереснаго, хорошаго народа, хотятъ основать колонію въ Асконѣ, и купили уже землю для этого.

Они были на поискахъ за подходящимъ мѣстомъ, попали ко мнѣ и рѣшили тутъ остаться. Все народъ интеллигентный, богатый, есть между ними и сынъ милліонера изъ Брюсселя, есть двѣ сестры—дѣвицы изъ Венгріи, одна изъ нихъ бывшая пѣвица, другая великолѣпная музыканша, бывшая учительница музыки.

Кромѣ колонистовъ есть и другіе, нежелающіе быть колонистами. Одинъ живописецъ, говоритъ талантъ, но онъ не продаетъ своихъ картинъ никогда, а просто оставляетъ ихъ тамъ, гдѣ ихъ сдѣлалъ. Онъ человекъ духовно самый сильный изъ нихъ, живетъ безъ денегъ, одѣтъ по нищенски, босоногій, безъ шляпы, почти голъ. Три года уже ведетъ жизнь бродяги, путешествуя пѣшкомъ изъ деревни въ деревню, ночуя подъ открытымъ небомъ или на сѣнѣ, кушая у мужиковъ то, что ему подадутъ. Живетъ онъ такъ потому, что жить обезпеченною жизнью ему, какъ онъ говоритъ, очень тяжело и нравственно невозможно. Очень хорошій, жизнерадостный, свѣтлый человекъ.

Есть и бывший насторъ, бросившій свой приходъ потому, что не могъ, какъ онъ говоритъ, больше лгать, живетъ онъ тоже безъ денегъ, кормится же работой, помогая мужикамъ на полѣ.

Есть и еврей изъ Румыніи, давно ищущій христіанства, онъ перепробовалъ разное въ жизни. Это человекъ запуганный, тихій, боязливый, много перестрадавшій отъ многой большой нужды.

Есть бывший рабочій изъ Германіи, ярый вегетарианецъ, жившій долго между арабами въ Африкѣ, такой *Naturmensch*, какого рѣдко можно видѣть, ему не нуженъ никто и живетъ онъ лѣтомъ въ горахъ безъ крыши, ночью на голой землѣ, питаясь ягодами и корешками, совершенно голый. Онъ послѣдователь извѣстнаго *Gustav'a Nagel'a*.

Такъ много интереснаго есть про этихъ людей рассказать, что пришлось бы нѣскольکو листовъ этимъ заполнить, а у меня нѣтъ къ тому терпѣнія.

III.

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ

НАМЪ ПИШУТЪ ИЗЪ КИЕВА

Наша русская жизнь находится еще въ такомъ фазисѣ своего развитія, характерною особенностью котораго является умственная близорукость. Какъ вамъ извѣстно въ 1899 году мы пережили студенческія волненія, результатомъ которыхъ былъ знаменитый по своей ничтожности циркуляръ о временныхъ правилахъ, по которымъ каждый студентъ, принимавшій участіе въ безпорядкахъ «скопомъ» подвергается наказанію въ формѣ отбыванія воинской повинности.

По моему подобныя правила могли писать только люди, страдающіе умственнымъ дальтонизмомъ. Но разъ уже эти правила существуютъ, то намъ приходится только съ ними считаться.

Въ половинѣ ноября этого года въ Кіевскомъ университетѣ студенты вновь заволновались; волненія эти были вызваны тѣмъ, что студенты университета Св. Владиміра 15-го Ноября собрались на сходку, чтобы осудить нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей за ихъ недостойное поведение. Но начальство вмѣсто того, чтобы содѣйствовать этой сходкѣ, нашло благоразумнымъ наказать участниковъ сходки, какъ незаконнаго собранія: отсюда то весь сыр-боръ и загорѣлся. Всего хода событій не знаю, знаю только, что въ университетѣ на сходку явился жандармскій генералъ съ жандармами и казаками и угрожалъ студентамъ, что онъ можетъ въ ходъ пустить оружіе, (въ доказательство чего окружающіе жандармы и казаки обнажили пашки.) Даже доходятъ слухи, что двѣсти, или около того, человѣкъ студентовъ пойдутъ въ солдаты.*) Если это послѣднее не слухи, а фактъ, то, мнѣ кажется, «безпорядки» не ограничатся Кіевомъ.

Итакъ первымъ камнемъ, который Россія положитъ въ основу того зданія, которое мы назовемъ двадцатымъ вѣкомъ, будутъ служить жертвы «временныхъ правилъ». Меня удивляетъ, для чего наши мудрецы написали эти правила... кажется только для того, чтобы указать себѣ мѣсто въ баснѣ Крылова «Мартышка и очки»: они съ законами и правилами обращаются также, какъ и мартышка съ очками: разница только та, что отъ мартышкиныхъ затѣй никому ни холодно ни жарко, а отъ мудрствованій нашихъ умниковъ получаются не совсѣмъ безобидные результаты.

ОТЪ РЕДАКЦИИ. Мы помѣщаемъ эту замѣтку какъ правдивое изложеніе современнаго событія при томъ исходящее не изъ правительственныхъ сферъ, и очень благодарны автору за присылку ея, но не

*) Послѣ полученія этого письма, мы узнали, что «слухи» объ отдачѣ въ солдаты «двухсотъ студентовъ» подтвердились. Въ правительственномъ сообщеніи объ этомъ ужасномъ фактѣ, говорится: «зачислены въ военную службу: I. два студента — на три года: II. пять студентовъ — на два года и III. 179 студентовъ на одинъ годъ». См. «С.-Петербургскія Вѣдомости» № 10, 11 января 1901 г.).

можемъ не выразить нашего мнѣнія по поводу отношенія автора къ самому событію.

Эти ужасныя слова: „Но разъ уже эти правила существуютъ, то намъ приходится только съ ними считаться“ выражаютъ отношеніе, которое по нашему мнѣнію служить главнымъ тормазомъ всякаго прогрессивнаго развитія.

Съ совершаемымъ на нашихъ глазахъ безобразнымъ насиліемъ и издѣвательствомъ нельзя „считаться“: единственное допустимое отношеніе къ такому факту, это громкій, искренній, непоколебимый протестъ и неподчиненіе этимъ „временнымъ правиламъ.“ Всѣ послѣдствія такого неподчиненія менѣе унижаютъ человѣческое достоинство, чѣмъ подчиненіе имъ; и если въ людяхъ еще живо оно, то выборъ для нихъ ясенъ.

Наше отношеніе къ этимъ самымъ правиламъ мы уже выразили въ № 2 „Своб. Мысли за 1899 г. и ничего болѣе къ этому прибавить не можемъ.

ДУХОВОРЫ

ПИСЬМО

отъ уполномоченныхъ на сѣздѣ ко всѣмъ братьямъ по вѣрѣ, живущимъ въ поселеніяхъ
Всемирнаго Братства въ Канадѣ.

Дорогіе братья.

Прилагая при семъ конію съ нашего отношенія къ эмигрантскому агенту въ Іорк-тонѣ, по поводу земельной собственности, мы убѣдительно просимъ cadaго изъ васъ, кто не согласенъ съ нашимъ мнѣніемъ заявить объ этомъ явно нашему обществу и правительству, чтобы никто не былъ по этому поводу въ обманѣ. При этомъ предупреждаемъ васъ, что для тѣхъ, кто не согласится на требованія правительства быть можетъ придется снова испытать гоненія и страданія, что конечно зависитъ не отъ людей, а отъ воли Господа, допускающаго страданія тѣмъ, кто ему служитъ, чтобы очистить ихъ отъ всякаго зла.

Предупреждая объ этомъ, мы просимъ тѣмъ болѣе cadaго, сколько нибудь сомнѣвающагося въ правотѣ нашего дѣла, поступать обдуманно и со всею осторожностью, чтобы не наложить на себя неудобноосной тяжести и не повредить нашему дѣлу, при-

соединяясь къ нему безъ вѣры въ его правоту.

Спаси васъ Господи спасеніемъ вѣчнымъ.

Ваши братья по вѣрѣ: (подпись тѣхъ же, что и въ сѣдующемъ письмѣ).

Селеніе Каменка 14 октября 1900 г.

Милостивый Государь

Господинъ эмигрантскій агентъ въ Іорктонѣ.

Уполномоченные отъ поселеній Всемирнаго Братства близъ Іорктона находящихся на таунишахъ 31 и 12 рядовъ 27 и 28-го, собрались сегодня въ селеніи Каменкѣ для обсужденія предложеннаго вами вопроса о томъ, согласны ли мы принять землю въ этихъ таунишахъ чрезъ одну секцію, именно тѣ секціи четныхъ номеровъ, которыя принадлежать казнѣ, или же не будучи согласны на это, захотимъ переселиться на другія таунишины, за озеромъ Добраго Духа, которые отведены правительствомъ въ резервъ нашему народу и, въ которыхъ вся земля можетъ поступить въ наше пользованіе подъ рядъ.

Мы обсудили сегодня это дѣло и пришли къ сѣдующему соглашенію:

1. Переселеніе на другіе таунишины будетъ для насъ очень затруднительно даже въ томъ случаѣ, если мѣстность и земля на этихъ таунишахъ будетъ болѣе удобна для поселенія. Намъ стоило большихъ трудовъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ построить тѣ жилища, въ которыхъ мы теперь находимся, и многіе изъ насъ, вслѣдствіе непо-мѣрности этихъ трудовъ, дошли до болѣз-неннаго изнуренія. Поэтому начинать снова постройку при тѣхъ слабыхъ средствахъ, которыми мы обладаемъ, будетъ для насъ очень тяжело, и, было бы очень желатель-но избѣгнуть этого.

2. Но если правительство находитъ удоб-нымъ для себя, чтобы мы переселились на другіе таунишины, то мы согласны и на такое переселеніе; также согласны принять въ свое пользованіе землю черезъ одну сек-цію, на тѣхъ таунишахъ, на которыхъ теперь находятся наши поселенія, и на со-сѣднихъ. Вообще мы согласны принять вся-кую землю, сколько нибудь удобную для нашей жизни, которую правительство опре-дѣлитъ намъ въ пользованіе, и за это оста-немся благодарны.

3. Но мы не можемъ принять никакой земли въ личную собственность и просимъ,

чтобы насъ не принуждали къ этому. Мы не можемъ принять земли въ собственность даже для одной формы, какъ это совѣтовалъ намъ сдѣлать господинъ Моодъ, ради того только, чтобы прійти въ соглашеніе съ зе-мельными законами Канады, не можемъ этого сдѣлать потому, что усматриваемъ въ наложеніи всякой печати собственности на землю основное нарушеніе всего закона Божьяго.

Мы признаемъ собственникомъ земли од-ного Бога — творца, который опредѣляетъ ее въ пользованіе всего живущаго и чело-вѣка въ особенности по превосходству че-ловѣка и еще потому, что челоуѣкъ въ осо-бенности способенъ съ пользою приложить свой трудъ къ землѣ и сдѣлать ее болѣе производительной.

Поэтому мы признаемъ, что земля долж-на находиться по преимуществу въ поль-зованіи тѣхъ людей, которые будутъ при-лагать къ ней свой трудъ. И это такая очевидная истина, противъ которой нельзя ничего сказать.

Но почему же въ настоящее время имен-но тѣ, которые хотѣли бы приложить свой трудъ къ землѣ, почти вездѣ лишены этой возможности, или обязаны, за приложеніе своего труда платить тѣмъ, которые и не думаютъ о приложеніи своего труда? почему трудящіеся почти вездѣ лишены свободы приложенія труда и пользованія землею, а тѣ, которые живутъ праздно владѣютъ и пользуются землею? Почему существуетъ такая вопиющая несправедливость и явный безпорядокъ въ общественной жизни. По-тому что существуетъ земельная собствен-ность. Не будь земельной собственности землею бы пользовались только тѣ, которые прилагали бы къ ней свой трудъ.

Поэтому всякому, даже не вѣрующему въ бытіе Божіе и не признающему Бога единственнымъ творцомъ и собственни-комъ земли, но признающему необходи-мость справедливости и порядка въ общест-венной жизни и не желающему быть ихъ нарушителемъ, нельзя быть собственникомъ земли. А мы еще кромѣ того признаемъ Бога и считаемъ его единственнымъ соб-ственникомъ и творцомъ земли.

Какъ же можемъ мы рѣшиться налагать на землю печать собственности?

Поэтому мы просимъ, чтобы насъ не при-нуждали къ этому.

4. Законъ Божій мы признаемъ однако

закономъ совершенной свободы; а потому постановили, помимо настоящаго соглашенія уполномоченныхъ, запросить лично каждаго домохозяина, въ предѣлахъ поселенія Всемирнаго Братства близъ Йорктона, о его намѣреніяхъ и желаніяхъ относительно владѣнія и пользованія землею и просить тѣхъ, которые пожелаютъ сдѣлаться собственниками земли уведомить васъ объ этомъ поскорѣе.

Съ совершеннымъ почтеніемъ остаемся къ услугамъ вашимъ готовые уполномоченные отъ поселенія Всемирнаго Братства:

Федоръ Дутовъ, Федоръ Рязанцевъ, Иванъ Подмаревъ, Петръ Макартсовъ, Иванъ Казаковъ, Иванъ Лахтинъ, Николай Кухтенновъ, Кирилъ Поповъ, Семенъ Глебовъ, Василий Блудовъ, Алексѣй Блудовъ, Григорій Трофименковъ, Алексѣй Самсоновъ, Михаилъ Сысоевъ, Кузьма Новокшеновъ, Алексѣй Самсоновъ, Иванъ Глазновъ, Николай Струковъ, Ларіонъ Макѣевъ, Иванъ Веригинъ, Григорій Веригинъ, Федоръ Борисовъ, Иванъ Макѣевъ, Василий Медвѣдевъ, Алексѣй Кухтенновъ, Ларіонъ Глебовъ, Игнатъ Горшковъ, Иванъ Арищенковъ, Николай Перенелкинъ.

ПИСЬМО ИЗЪ НАНАДЫ

3 января 1901 г. с. Терпишнѣ.

Дорогой братъ Павелъ Ивановичъ!

На дняхъ отъ вашего изданія получено 2 листка «Свободная Мысль» №№ 9 и 10, благодаримъ васъ, что вы присылаете къ намъ т. е. въ нашу почти безлюдную пустыню, свѣдѣнія собираемыя вами со странъ земли. Очень печально читать то, что въ Россійской имперіи страшно бѣдгвуютъ многочисленные бѣдные люди отъ голоду, холоду и немилосерднаго тиранства надъ ними русскаго правительства, которое по своему закону, вмѣсто враговъ не своего отечества, быють и мучають своихъ же братьевъ и въ своемъ отечествѣ, сына выставляютъ противъ отца, а брата на брата своего: только и остаются не враги между собою императоры, князья, министры и архіереи, тогда какъ они поддерживаютъ неправду и укрѣпчаютъ свою смертоносную сѣть надъ людьми.

Еще интересно читать приговоръ синода противъ добраго и мирнаго старца Льва Николаевича, вѣрнаго свидѣтеля въ мірѣ, отъ котораго заживо отрекаются справлять

погребательныя панихиды и другія злыя и душевредныя поповскіе надъ нимъ обряды, котораго заупокой принесутъ теплыя молитвы тысячи правомыслящихъ людей. Кроме того, послѣ смерти покаянія нѣтъ. Развѣ Господь приметъ благословенія или проклятія поповскихъ голосовъ надъ мертвымъ? Тамъ Онъ безъ свидѣтелей воздастъ награду или наказаніе каждому по его дѣламъ.

О себѣ скажу: наши братья, къ новой для насъ странѣ и людямъ живущимъ на ней, стали немного привыкать, страна для насъ очень хорошая и обитатели на ней мирные, противъ которыхъ заповорѣй и ничего не надо. Со стороны правительства также ничего плохого еще не встрѣчали, — можно только радоваться и славословить Господа и благодарить всѣхъ добрыхъ людей, которые помогали въ нашемъ переселеніи.

Но нашихъ участкахъ сіе прошлое лѣто урожай былъ всякаго посѣва очень хорошъ. На вновь пріобрѣтенной землѣ сѣяли бѣлую пшеницу, называемую голоколоска, ячмень, ленъ, овесъ; на огородахъ картофель, капуста, морковь, лукъ, свекла и прочее. Все это вышло хорошо, морозъ ничего не повредилъ, потому у насъ лѣтнихъ морозовъ совсѣмъ не было, лѣто было теплое; по климату сравнительно съ нашей Карской областью, зимы мы здѣсь признаемъ холоднѣй противъ кавказскихъ.

Дорогой другъ Павелъ Ивановичъ, по полученіи пожалуйста сообщите что получили и пишите еще, что есть радостнаго и печальнаго.

Шлю вамъ мой душевный привѣтъ.

Семенъ В. Верещагинъ.

ОТКАЗЫ ОТЪ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

ДѢЛО ШОПОВА

12-го ноября Сойскій военный судъ разсматривалъ дѣло по обвиненію г-на Шопова 1) за самовольную отлучку изъ казармы 2) за ослушаніе приказанія низшихъ начальствующихъ лицъ 3) въ ослушаніи и неисполненіи приказаній офицеровъ парка и 4) въ отказѣ дать установленную присягу на вѣрность князю и отечеству.

Въ день разсматриванія дѣла Шоповъ явился въ судъ въ сопровожденіи одного солдата и когда говоритъ о Богѣ и о своихъ убѣжденіяхъ, лицо его сіяло, какъ лицо истинно вѣрующаго человѣка. Ему те-

перъ 24 года. Когда председатель ему сообщил, что судъ ему назначилъ защитника. онъ заявилъ, что самъ будетъ защищаться. Онъ говорилъ особенно краснорѣчиво и живо и не смотря на перерывы, которые дѣлалъ председатель, быстрое теченіе его мысли не могло отклониться.

На вопросъ председателя, какова его вѣра, онъ отвѣчалъ твердо и громко: я христiанинъ.

На замѣчаніе того же самого председателя что если оскорбитъ судъ или кого другого, онъ будетъ выведенъ изъ залы, Шопякъ заявилъ, что онъ никого не будетъ оскорблять, а будетъ говорить объ обстоятельствахъ и мотивахъ, которые побудили его совершить приписанныя ему дѣянія.

На заданный ему вопросъ: «признаетъ ли онъ себя виновнымъ», онъ отвѣчалъ, что признаетъ и далъ слѣдующія объясненія, переданныя въ болгарскомъ торг. Вѣстникѣ:

12-го февраля этого года поступилъ въ военную службу въ телегр. Княж. Паркъ. И когда начали его обучать словеснымъ предметамъ, онъ началъ понимать, что военная служба не согласна съ его внутреннимъ міровоззрѣніемъ. И по этому очень часто ставилъ вопросы своимъ начальникамъ; эти вопросы онъ дѣлалъ передъ всѣми солдатами парка и по этому получалъ выговоръ отъ офицеровъ, которые ему говорили, что если онъ имѣетъ что сказать, то всегда обращался бы наединѣ, а не предъ всѣми. Но онъ снова ставилъ публично свои вопросы и по этому его стали часто наказывать.

Военная служба уже совершенно не стала согласоваться съ его настроеніемъ, когда его стали выводить на стрѣльбу. Для обученія имъ ставили человѣческія фигуры сдѣланныя изъ досокъ. Онъ удивлялся, отчего его заставляютъ учиться стрѣлять въ эти фигуры, а потомъ заставляютъ стрѣлять въ людей. Не всѣ ли люди равны передъ Богомъ?

Тогда председатель замѣтилъ ему, что если онъ идетъ съ ружьемъ и на встрѣчу ему идетъ другой такой же съ намѣреніемъ напасть на него, то не будетъ ли онъ защищаться? — Никогда, отвѣчалъ онъ. Я предпочитаю быть убитымъ, чѣмъ сдѣлать зло своему ближнему, дѣломъ, помысломъ или чѣмъ инымъ. Внутренно онъ возмущался всѣмъ, что его заставляли дѣлать на военной службѣ и какой то внутренний го-

лось, говорилъ ему, что онъ не долженъ быть слугою зла.

Однимъ словомъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что все, что его заставляли дѣлать, есть ни что иное, какъ обученіе дурнымъ дѣламъ. 23-го апрѣля этого года онъ ушелъ въ отпускъ въ Софію и дорогой, идя по линіи трамвая, смотрѣлъ какъ рабочіе питаются однимъ хлѣбомъ съ солью послѣ многочасовой работы. Въ Софіи прошелъ мимо вновь строящейся церкви св. Георгія и тутъ видѣлъ архіерея, поповъ и много мушкетеровъ и женщинъ присутствующихъ въ блестящихъ одеждахъ на молебнѣ и говорилъ себѣ: это противорѣчіе міра, здѣсь блескъ и роскошь — тамъ бѣдность и крайняя нищета. Дальше онъ разсуждалъ, что люди учатся дѣлать только зло и эта привычка дѣлать зло создаетъ то, что есть богатые, живущіе на счетъ бѣдныхъ, которые несутъ всю тяжесть жизни. И въ концѣ концовъ онъ рѣшилъ отказаться служить злу, чтобы самому его не совершать.

24-го апрѣля сего года, снявъ форменную одежду и надѣвъ штатскую, онъ пришелъ въ Софію и написалъ письмо своему начальству, въ которомъ говорилъ, что онъ не желаетъ служить, потому что считаетъ себя гражданиномъ и соотечественникомъ гражданъ всего міра, отрицаетъ отечество, семью и прочее и прибавилъ, гдѣ его можно найти, если станутъ искать.

26-го апрѣля его задержали въ Софіи и отправили въ Княжево.

Ему приказано было взводными-офицерами надѣть форму, онъ отказался. Его подвергли наказанію, которое онъ отказался перенести. Выводили его на ученіе — не хотѣлъ идти, противорѣчилъ своимъ начальникамъ и они были принуждены его арестовать. И это онъ дѣлалъ, потому что онъ не хотѣлъ служить и рѣшилъ, что не будетъ служить.

Его отвели въ Церковь, съ нимъ пошли нѣсколько офицеровъ, вынули крестъ и евангеліе и священникъ ему сказалъ, что онъ, солдатъ, который долженъ отслужить военную повинность и что онъ долженъ дать присягу. Шопякъ отвѣтилъ, что онъ не солдатъ, а только человекъ, что онъ не желаетъ служить и не можетъ дать присягу, потому что только злые люди присягаютъ. И что по евангелію присяга запрещается. Священникъ ему возразилъ, что въ другомъ мѣстѣ евангелія сказано

отдайте кесарю кесарево и Божье Богу. На это Шоповъ возразилъ, что онъ такъ и хотѣлъ поступить, умъ свой посвящаетъ Богу, а пусть царь едѣаетъ съ его тѣломъ что онъ хочетъ, но онъ присягать не будетъ.

Прокуроръ поддерживалъ обвиненіе и хотя онъ исходилъ изъ принципа что такимъ людямъ, которые противъ государства лучше погибнуть, чѣмъ погибнуть государственному строю, рекомендовалъ тѣмъ не менѣе судьямъ отнестись снисходительно къ обвиняемому потому что онъ былъ увлеченъ на ложный путь.

Въ своей защитительной рѣчи Шоповъ сказалъ, что онъ знаетъ только одну силу и эта сила есть Богъ. Знаетъ только одинъ законъ — и это есть Евангеліе. Для него нѣтъ мірскихъ судей. Для него нѣтъ болгарскихъ законовъ. Что бы съ нимъ ни было, онъ не станетъ служить въ войскѣ. Онъ не можетъ дѣлать то, что ему совѣсть запрещаетъ. Нѣтъ закона болѣе строгаго, чѣмъ его совѣсть. У него есть убѣжденія и ничто въ мірѣ не можетъ у него ихъ отнять. Какъ Христосъ долженъ былъ пострадать на крестѣ за свои убѣжденія, такъ и онъ долженъ пострадать за нихъ. Онъ упрекаетъ прокурора, что тотъ боится истины, потому что иначе обвиненіе должно было гласить иначе, а именно: обвиняется за то, что последовалъ учению Христа и тогда судъ оправдалъ бы его. Шоповъ объяснялъ, какія мѣста изъ Евангелія (которое у него было съ собой) заставили его совершить то, за что его обвиняютъ. Наконецъ обвиняемый напомнилъ судьямъ, чтобы они не насилуютъ своей совѣсти и высказали надежду, что не далеко тотъ день, когда всѣ заповѣди Христа будутъ познаны и исполнены.

Послѣ этого судъ удался на совѣщаніе и чрезъ полтора часа объявилъ приговоръ, который осуждаетъ Шопова на три года заключенія въ дисциплинарныя роты.

Обвиняемый выслушалъ приговоръ молча и съ улыбкой.

Болгарская газета, помѣстившая это описаніе, прибавляетъ отъ себя:

«Любители мрака скажутъ, что Шоповъ есть одинъ изъ преступныхъ типовъ, который долженъ быть истребленъ, чтобы не заразить другихъ своимъ дурнымъ вліяніемъ. Нѣкоторые скажутъ, что онъ полоумный субъектъ, который заслуживаетъ сожалѣнія. Да, такой же преступникъ, такой же безумецъ былъ Христосъ. Преступникъ и безумецъ русскій мыслитель Левъ Толстой. Но

какъ было бы желательно, чтобы всѣ люди были такіе же преступники и безумцы! При такой преступности и при подобномъ безуміи людей преступленія исчезли бы и въ мірѣ наступила бы правда и братство, которыхъ теперь люди не знаютъ.

Не только идея, проповѣдуемая Шоповымъ выдвигаетъ его въ нашихъ глазахъ, но есть еще и другое нѣчто, что заставляетъ насъ благоговѣть передъ этимъ молодымъ человекомъ. Это его готовность нести всю отвѣтственность за его поступокъ; а это есть счастливое исключеніе среди нашихъ измельчавшихъ правовъ. У насъ никто не смѣетъ заявить открыто свои идеи. У насъ всякій стремится замаскировать свои желанія. Намъ не достаетъ не только убѣжденных, искреннихъ последователей и готовыхъ на всякое самопожертвованіе идеалистовъ, но мы лишены и доблестныхъ преступниковъ, если можно такъ выразиться. У насъ не было такого случая, чтобы преступникъ открыто заявилъ о своемъ преступленіи и мотивировалъ его съ своей точки зрѣнія. Мы сняли бы шляпу передъ тѣмъ воровъ, который открыто бы заявилъ, что укралъ для прокормленія или для обогащенія себя или что въ кражѣ онъ ничего не находитъ преступнаго. Мы аплодировали бы тому убійцѣ, который открыто бы заявилъ, что жизнь своего ближняго для него ничего не стоитъ. Потому что съ этими преступниками можно спорить и разубѣждать ихъ. У насъ и преступники мелки. Благодаря этимъ нашимъ измельчавшимъ правамъ, мы въ общественной жизни ничего не можемъ замѣтить отраднаго. Въ поступкѣ Шопова мы видимъ новое отрадное вѣяніе и въ его лицѣ мы приветствуемъ новое поколѣніе».

Мы получили также выдержку изъ письма Шопова къ его другу, написанное уже послѣ суда:

... Одно что меня немного испугало и заставило показаться уклончивымъ, это то, что я осужденъ въ дисциплинарныя роты, гдѣ, чтобы исповѣдывать истину буду подвергнутъ тяжелымъ физическимъ мученіямъ. Потому навѣрно меня снова, будутъ судить, потому что я и тамъ буду говорить то, что я чувствую въ своемъ сердцѣ, т. е. и тамъ буду исповѣдывать истину, которая служитъ пугаломъ для любителей мрака и колѣтъ имъ глаза. Тюрьма не такъ страшна. Скажу тебѣ, также дорогой Н., такъ какъ я желаю быть искреннимъ, что не смерть меня пугаетъ, а способъ, которымъ она будетъ причинена, т. е. чтобы меня не подвергали тяжелымъ мукамъ и я, насколько мож-

силы позволяют, буду бороться и буду направлять въ будущемъ свою дѣятельность на борьбу за разсѣяніе того ужаснаго мрака, который завладѣлъ всѣмъ міромъ....

Пожелаемъ отъ всего сердца этому *человѣку* устоять до конца! Ред.

КРАСНЫЙ КРЕСТЬ.

Русскій императорскій деспотизмъ, проявившійся въ девятнадцатомъ столѣтіи съ небывалой, для нашей исторіи, силой и организованностью, достигаетъ своего апогея въ царствованіе удивительнаго „миротворца“ Александра III. Въ эти тринадцать лѣтъ не было той гнусной идеи, не было той тлетворной мысли, — зарождавшейся въ головахъ русскихъ мракобѣсовъ за послѣднюю четверть столѣтія, — которая, въ той или другой мѣрѣ, не врѣзалась бы клиномъ въ нашу народно-общественную жизнь. Всѣ иллюзіи „свободы“, оставшіяся отъ эпохи Александра II, которая такъ тѣшила и тѣшатъ легковѣсныя, малокровныя сердца нашихъ либераловъ, — послѣдовательно таяли и исчезали, но мѣрѣ наступленія торжественнаго, ликующаго, нахально-смѣлаго шествія русскихъ „порождений эхины“ — Побѣдоносцева, Каткова, министра Толстого и всѣхъ ихъ достойныхъ сотоварищей.

Однимъ изъ объектовъ систематическаго издѣвательства, травли и безпрерывнаго уничтоженія въ эту эпоху, какъ и всегда, явилась та часть русскаго народа и общества, которая не захотѣла обратиться въ стѣнку „премудрыхъ пискарей“ „кои, обезумѣвъ отъ страха, сидятъ въ норахъ и дрожатъ“. Эта часть русскаго народа и общества виновата была только тѣмъ, что такъ или иначе проявляла свою жизнь, свою потребность вырваться изъ засасывающей трясины русскаго режима. Благодаря этому, вопліи законному человѣческому желанію, она выступала съ разнообразной, часто несмѣлой, иногда болѣе бодрой и рѣшительной, борьбой съ русскимъ самодержавнымъ правительствомъ. И вотъ эта-то „борьба“ въ „благополучное“ царствованіе Александра III, вызвала такіе ужасныя, ни съ чѣмъ несообразныя, жестокія, подчасъ граничащія съ пыткой, — правительственныя преслѣдованія, что несмотря на всю социальность и постоянную „боязнь“ нашихъ либераловъ, — все-таки разбудили сердца нѣкоторыхъ изъ представителей легальной печати и вызвали съ ихъ стороны призывы и воззванія къ

помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ. Эти воззванія дали первый толчекъ къ организаціи *всероссійскаго тайнаго общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ*, также обыкновенно именуемому обществомъ „*Краснаго Креста*“.

Это общество заявило о своемъ существованіи слѣдующей прокламаціей, вышедшей въ Петербургѣ 19 ноября 1881 г.:

«Годъ тому назадъ газеты говорили о такъ называемыхъ политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ. Появились корреспонденціи изъ Кары, Енисейска, Пудожя, Мезени и другихъ пунктовъ административной ссылки. Общество узнало о крайне бѣдственномъ положеніи людей, которые въ большинствѣ случаевъ попали въ ссылку по усмотрѣнію урядниковъ да околадочныхъ надзирателей. Въ журналахъ появились призывы о помощи ссыльнымъ: „Голосъ“ открылъ даже подписку: общество, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, энергически высказалось противъ ссылки.

Но все это продолжалось недолго. Газеты и журналы замолкли; о ссыльныхъ скоро забыли.

Между тѣмъ количество политическихъ ссыльныхъ увеличивается, положеніе ихъ при отсутствіи правильно организованной общественной помощи, — становится все хуже и хуже. Оторванные отъ жизни, безъ средствъ къ существованію, лишенные возможности зарабатывать кусокъ хлѣба, политическіе ссыльные, кромѣ матеріальной нужды, испытываютъ еще нравственныя страданія по отсутствію всякаго сношенія съ вѣншнимъ міромъ, по недостатку книгъ, журналовъ и газетъ.

Мы, кружокъ частныхъ лицъ, рѣшились выступить съ предложеніемъ правильной и постоянной помощи политическимъ ссыльнымъ, поживъ начало обществу того-же имени.

Единственная задача, которую мы преслѣдуемъ, это облегченіе участи ссыльныхъ и заключенныхъ.

Содѣйствіе можетъ выразиться: 1-хъ въ денежныхъ взносахъ, 2-хъ въ организаціи кружковъ съ тою же цѣлью, 3-хъ въ сообщеніи точныхъ свѣдѣній о ссыльныхъ, въ 4-хъ въ доставленіи книгъ, журналовъ, газетъ и пр. Къ сожалѣнію, мы лишены теперь возможности поставить дѣло прямо и открыто съ разрѣшенія правительства. Но ждать болѣе благоприятныхъ условій не дозволяетъ нужда, требующая немедленной помощи¹⁾.

Общество политическаго „Краснаго Креста“, существующее и до настоящихъ дней, имѣетъ свой уставъ, въ которомъ ясно формулированы его функціи.

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя выдержки, указывающія на дѣйствія и задачи этого общества:

«Цѣль общества. Оказать матеріальную поддержку лицамъ, пострадавшимъ въ борьбѣ за свободу, безъ различія, къ какой бы

¹⁾ См. «Наше время». Сборникъ свободной печати, 1897. Изд. общ. народн. права, стр. 65—66.

партии они не принадлежали. Передаваемая Краснымъ Крестомъ вещи, книги и деньги служатъ не только для поддержанія здоровья заключенцаго, но, и это главное, для поддержанія въ немъ бодрости, увѣренности, что онъ не одинокъ, не забытъ, не вычеркнутъ изъ жизни. Такимъ образомъ матеріальная поддержка можетъ дать заключенному необходимое душевное спокойствіе и силу перенести тяжесть тюремнаго заключенія и допросовъ.

Средства общества. Источникомъ средствъ Краснаго Креста служатъ сборы среди лицъ, сочувствующихъ положенію политическихъ ссыльныхъ и заключенныхъ.

Расходъ общества. Правительство, заключая политическихъ преступниковъ въ тюрьму, обезпечиваетъ имъ только помѣщеніе и не прибавляетъ къ нему почти ничего, такъ какъ казенную пищу — супъ и кашу, при соблюденіи постовъ даже въ среду и пятницу — далеко нельзя назвать достаточной для поддержанія организма. Чаю и бѣлаго хлѣба не полагается. Заключенному приходится поэтому расходовать свои деньги: на стирку бѣлья, на чай, сахаръ и хлѣбъ, на свѣчи (огонь тушится въ камерахъ въ 9 часовъ вечера) и на обѣдь, хотя бы только въ постные дни. При самомъ скудномъ расходованіи онъ не можетъ истратить менѣе 4 руб. 50 коп. въ мѣсяцъ...

...Эти три главные статьи расхода поглощаютъ почти весь доходъ Краснаго Креста, оставляя жалкія крохи на помощь ссыльнымъ въ Россіи и Сибири. Между тѣмъ, нужда и тамъ велика. Заброшенные въ самые глухіе углы Россіи, политическіе ссыльные часто подъ разными предлогами лишаются и скуднаго казеннаго пособія...²⁾

Дѣятельность Краснаго Креста не ослабѣвала за все время его существованія, а наоборотъ все крѣпла по мѣрѣ увеличенія правительственныхъ преслѣдованій. И несмотря на всѣ неудобства, сопряженные съ его нелегальностью, несмотря на поразительное равнодушіе и трусость широкихъ слоевъ русскаго общества, въ настоящее время его годичный бюджетъ достигаетъ десяти тысячъ рублей въ годъ.

Слѣдующая табличка даетъ намъ возможность прослѣдить ростъ дѣятельности общества: ³⁾

				руб.	к.
Съ 15 Августа 1881 г. по Январь 1882 г.				2045	13
.. Января 82	.. Января 83			5741	—
.. Января 83	.. Февраля 84			5127	99
.. Февраля 84	.. Января 85			3016	89
.. Января 85	.. Января 86			4384	81
Съ Ноября 89	.. Ноября 90			1602	88
.. Ноября 90	.. Ноября 91			2067	40
Съ 1 Июля 94	.. 1 Мая 95			3152	88
.. 1 Мая 95	.. 1 Мая 96			5389	14

²⁾ См. прокламацію «Отъ общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ», стр. 1 (заграничное изданіе 1899 г.).

³⁾ См. «Наше время» астр. 69.

Въ послѣднемъ отчетѣ «Общества Краснаго Креста» (съ 1 октября 1898 г. по 1-ое октября 1899 г.) — на его приходъ значится 11.141 руб 7 коп. Тутъ же указаны цифры за два предшествующіе года, именно въ 1896—97 гг. поступило всего 8406 р. 3 коп.; а въ 1897—98 гг. — 9688 руб. 10 коп.⁴⁾

Конечно, нечего и говорить, что всѣ эти сборы, хотя и увеличиваются съ каждымъ годомъ, ни въ коемъ случаѣ не могутъ удовлетворить всей имѣющейся въ наличности нужды, по той простой причинѣ, что число людей, преслѣдуемыхъ за стремленіе къ свободѣ, и разбросанныхъ по всевозможнымъ тюрьмамъ, ссылкамъ и заключеніямъ Россіи, — растетъ гораздо въ большей прогрессѣ, чѣмъ увеличеніе ежегоднаго прироста бюджета «общества Краснаго Креста».

Увеличеніе же этихъ средствъ не только желательно, но прямо таки необходимо.

Въ послѣднее время русское правительство рискнуло примѣнить ужасную, неслыханно безсовѣстную мѣру въ борьбѣ со все болѣе и болѣе растущимъ рабочимъ движеніемъ въ Россіи. Оно рѣшило не только морить въ тюрьмахъ и казематахъ каждаго рабочаго, поднявшаго свой голосъ противъ торжествующаго мракобѣсія; оно рѣшило, сославъ возможно больше этихъ людей въ различныя мѣста нашихъ окраинъ — примѣнить къ нимъ стариннѣйшую изъ пытокъ, именно пытку посредствомъ «голода и холода».

Мы несколько не преувеличиваемъ дѣйствительность именуя «пыткой посредствомъ голода и холода» недавно введенную реформу въ жизни ссыльныхъ рабочихъ, страдающихъ за свои убѣжденія, соотвѣтственную имъ дѣятельность, за протесты, стачки, собранія, организаціи и вообще за все то, что у насъ принято называть, на жаргонѣ господъ прокуроровъ и жандармовъ, — *политическимъ преступленіемъ*.

Какъ навѣрное всѣмъ изъ нашихъ читателей извѣстно, русское правительство, ссылая административно или по суду тѣхъ или другихъ «политическихъ преступниковъ», ставитъ ихъ въ такія условія, при которыхъ въ большинствѣ случаевъ, человѣку нельзя, при всемъ его желаніи и охотѣ, найти никакого заработка, для поддержанія своего существованія. Навѣрное всѣмъ из-

⁴⁾ См. прокламацію «Отъ общества помощи политическимъ ссыльнымъ и заключеннымъ», стр. 2 (заграничное изданіе 1899 г.).

бстенъ такъ-же и тотъ фактъ, что многихъ сылаютъ въ такія мѣста, гдѣ просто *нѣтъ работы никому*, такъ какъ мѣстные жители, занимаясь охотой, звероловствомъ, рыболовствомъ, оленеводствомъ, — всѣ свои несложныя потребности удовлетворяютъ сами и имъ просто нѣтъ возможности найти заработка. Въ другія, обыкновенно малонаселенныя, мѣста правительство сылаетъ такъ много людей, что предложеніе на трудъ въ громадное количество разъ превышаетъ спросъ. Кромѣ того «политическіе ссыльные» лишены права цѣлаго ряда дѣятельностей, при чемъ этотъ «рядъ» всецѣло зависитъ отъ мѣстнаго становаго, исправника или заѣдателя. И пожалуй одно изъ самыхъ важныхъ стѣсненій заключается въ томъ, что какой ссыльный всегда лишается права передвиженія съ своего мѣста даже за околицу села, гдѣ онъ поселенъ.

Все это вмѣстѣ взятое создаетъ такія словія, что даже русское правительство нитало до сихъ поръ для себя обязанностью выдавать пособие политическимъ ссыльнымъ въ размѣрѣ отъ 6 до 9 рублей въ мѣсяцъ на человека. Принимая во вниманіе, что много изъ ссыльныхъ люди семейные, очень часто довольно долго просидѣвшіе въ тюрьмахъ, а стало быть истомленные, больные, тогда неспособные къ работѣ, принимая все это во вниманіе, каждый честно мыслящій человекъ скажетъ, что пособие въ девять рублей въ мѣсяцъ является такой маленькой суммой, которую нужно не уменьшать а увеличивать.

Что же дѣлаетъ русское правительство? Оно уменьшаетъ это пособие, и именно ссыльнымъ рабочимъ, на *две трети* мѣсячной здачи, т. е. открыто, на глазахъ у всего народа, обрекаетъ сотни и тысячи людей на голодовку, на явную, обязательную, медленную и мучительную голодовку. Вотъ что по этому поводу пишетъ отъ своего имени редакція «Рабочаго Дѣла»:

«Къ социалъдемократическимъ организациямъ въ Россіи.

Товарищи!

Мы только-что — къ сожалѣнію, слишкомъ поздно — узнали о новой гнусности царскаго правительства.

Мало того, что рабочіе лишены права освобождаться отъ хозяйскаго гнета и грабежа, что правительство посылаетъ на помощь капиталистамъ противъ стачечниковъ полицейскихъ, жандармовъ и солдатъ; мало того, что стачечниковъ сотнями бросаютъ въ тюрьму, сылаютъ «на родину», увольняютъ — по указаніямъ приказу царскихъ властей — съ фабрикъ и

заводовъ; мало того, что такъ называемые «коноводы» стачечниковъ, какъ тяжкіе преступники, ссылаются въ Сибирь, ссылаются противозаконно, безъ суда, по произволу царской полиціи и жандармеріи — мало всѣхъ этихъ жестокостей и насилій!... Царское правительство мстительно преслѣдуетъ ссыльныхъ стачечниковъ въ далекой Сибири, какъ своихъ личныхъ враговъ. Оно рѣшило обречь ихъ на голодовку!

Съ января настоящаго года, какъ намъ пишутъ изъ Сибири, казенное пособие ссыльнымъ стачечникамъ уменьшено до $\frac{1}{3}$ общаго размѣра выдаваемого политическимъ ссыльнымъ пособия. Этотъ размѣръ въ среднемъ достигаетъ около 9 руб. въ мѣсяцъ, стачечникамъ же выдается только около 3 руб. Но даже и это ничтожное пособие выдается не повсюду; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напр. въ Красноярскѣ Енисейской губ., стачечники съ новаго года получаютъ всего полтора рубля въ мѣсяцъ!...

...А на чемъ основывается новая гнусность правительства? На томъ, что рабочіе-стачечники приравниваются къ «лицамъ порочнаго поведенія!...» Вы слышите, товарищи? Сознательные рабочіе, честно борющіеся противъ хозяйскаго гнета и грабежа, поставлены царскимъ правительствомъ на одну доску съ ворами и мошенниками! Борьбу рабочихъ за человѣческое существованіе правительство Николая II-го не только считаетъ нарушеніемъ закона, подлежащимъ жестокой карѣ, но и объявляетъ дѣломъ позорнымъ, безправственнымъ, порочнымъ! Хозяйскій барышъ — святыня для русскаго царя, и кто покушается на эту святыню, становится «лицомъ порочнаго поведенія»!...

Товарищи! Царское правительство грабящее и насилующее весь рабочій народъ Россіи, правительство помѣщиковъ, на совѣсти котораго лежатъ миллионы разоренныхъ и десятки тысячъ доведенныхъ до голодной смерти крестьянъ, правительство фабрикантовъ, занятнаго кровью разстрѣлянныхъ стачечниковъ, правительство нагайки и розги, застѣжка и вистлицы, замучившее въ тюрьмѣ и ссылкѣ, убившее въ каторгѣ и на эшафотѣ лучшихъ сыновъ Россіи, героическихъ борцовъ за свободу и счастье русскаго народа, — такое позорное правительство никого опозорить не можетъ. Клеймо позора, которое налагается такимъ правительствомъ, является знакомъ чести какъ, наоборотъ, раздаваемая имъ почести служатъ несмыслаемымъ позорнымъ пятномъ. Нѣтъ, объявленіе ссыльныхъ стачечниковъ «лицами порочнаго поведенія» есть для нихъ великая честь, какъ разъ доказываетъ, что ихъ поведеніе было безупречнымъ, чистымъ. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Намѣреніе правительства опозорить стачечниковъ достигаетъ какъ разъ обратной цѣли. Но дерзкое намѣреніе это существовало — и мы должны энергично протестовать противъ него!...

...Товарищи! Не дадимъ исполниться намѣреніямъ царскаго правительства! Оно хочетъ заморить рабочихъ борцовъ голодомъ — устроимъ денежныя сборы въ ихъ пользу! Оно пытается опозорить ихъ — громко заявимъ свою солидарность, солидар-

ность всѣхъ борющихся рабочихъ, всѣхъ социалдемократовъ, всѣхъ революціонеровъ съ этими «лицами порочнаго поведения»!

Отнынѣ ко всѣмъ своимъ требованіямъ, обращеннымъ къ правительству, присоединимъ и требованіе отмены его гнуснаго распоряженія о сокращеніи пособій и приравненіи ссыльныхъ стачечниковъ къ «лицамъ порочнаго поведения».

Царское правительство совершило жестокость и пытается «оправдать» ее гнусностью — заклеимъ же передъ всей рабочей массой его жестокость и его гнусность, сдѣлаемъ это въ повсемѣстныхъ, обращенныхъ ко всей массѣ прокламаціяхъ! Покажемъ всѣмъ рабочимъ на этомъ фактѣ, какого жестокаго и гнуснаго врага имѣетъ рабочій классъ въ лицѣ царскаго правительства — тогда послѣднее злодѣяніе правительства обратится противъ него самого! А гдѣ только это возможно, устроимъ въ той или иной формѣ массовой протестъ!...»³⁾

Изъ приведенныхъ выдержекъ мы ясно видимъ въ какомъ несчастномъ положеніи должны находиться теперь сотни и тысячи рабочихъ, лишенные свободы, подвергнутые голоду и неудержимому произволу мѣстныхъ полицейскихъ властей.

Надо помнить, что русское правительство уже во второй разъ рѣшается на такую низкую мѣру по отношенію къ политическимъ ссыльнымъ. Кіевская рабочая газета «Впередъ» въ № 8—9 публикуется по этому поводу слѣдующую интересную историческую справку:

«По поводу недавняго сокращенія пособій, выдаваемыхъ политическимъ ссыльнымъ въ Сибирь (общая сумма сокращена съ 300 тысячъ на 100 тысячъ), одинъ товарищъ, возвратившійся изъ Сибири, сообщаетъ слѣдующую историческую справку: Въ 1882 г. правительство также сдѣлало распоряженіе о сокращеніи пособій. Ссыльные откликнулись на это энергичнымъ протестомъ. Иркутскому генералъ-губернатору было подано одно за другимъ три коллективныхъ прошенія. Первые два были оставлены безъ вниманія и только третье, составленное въ очень сильныхъ выраженіяхъ, оказало свое воздѣйствіе. Въ этомъ прошеніи ссыльные заявили, что съ сокращеніемъ пособій они могли бы еще помириться, если бы имъ разрѣшено было жить въ городахъ и имѣть тамъ хотя какія нибудь занятія. Но такъ какъ и то и другое имъ воспрещается, а на мѣстахъ ихъ водворенія никакихъ заработковъ нѣтъ, то правительственное распоряженіе обрекаетъ ихъ прямо таки на голодную смерть.

Если распоряженіе не будетъ отменено, они будутъ вынуждены нарушить законъ и покинуть мѣсто жительства, такъ какъ кара,

угрожающая имъ за это, все же не такъ страшна, какъ медленная, мучительная смерть отъ голода.

Результатомъ этого протеста было восстановление пособія въ прежнихъ размѣрахъ».

Не знаемъ, будетъ ли что предпринято и теперь сибирскими ссыльными въ борьбѣ съ этимъ правительственнымъ распоряженіемъ, но пока что — ясно всѣмъ одно: ссыльные рабочіе пужаются и имъ надо помочь и это можно сдѣлать по преимуществу черезъ организацию «Краснаго Креста».

(Продолж. слѣд.)

В. Б.

БИБЛИОГРАФІЯ

О ПЕРЕВОДАХЪ „ВОСКРЕСЕНІЯ“

Во французскихъ журналахъ появилось нѣсколько статей обсуждавшихъ достоинства переводовъ Воскресенія, изъ этихъ статей можно видѣть, какимъ калѣченіямъ подвергся этотъ романъ въ Европѣ и Америкѣ, гдѣ оказалось существовать если не правительственная, то общественная цензура. Такъ въ Америкѣ и Англіи романъ нашли безправительственнымъ и передѣляли его. Во Франціи выпустили всѣ мѣста, обличающія милитаризмъ и даже церковность. Въ государственной Германіи неоправдано обличеніе судебного міра и въ этомъ смыслѣ былъ сокращенъ романъ. Такимъ образомъ это великое произведеніе сразу обличило грѣхи трехъ народовъ: лицемеріе англичанъ, шовинизмъ французовъ и государственность нѣмцевъ.

Къ счастью на всѣхъ языкахъ вышли и цѣлые, добросовѣстные переводы: на англійскомъ переводъ Г-жи Моодъ, на нѣмецкомъ Тронина и Франца и на французскомъ Гальперина Каминскаго. О послѣднемъ переводѣ намъ доставленъ отзывъ Л. Н. Толстого, который и помещаемъ здѣсь.

«... Вы спрашиваете меня о вашемъ переводѣ „Воскресенія“. Я не читалъ его всего; но, просматривая въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вынуждено въ другихъ изданіяхъ и переводахъ, убѣдился, что вашъ совершенно полонъ и точенъ, т. е. сдѣланъ съ самаго вѣрнаго англійскаго изданія. Вы же всегда переводите точно и старательно...»

Вашъ Левъ Толстой.

Редакторъ-издатель П. Вирюковъ.

Украинская типографія. 47, Onex — Genève.

³⁾ См. «Рабочее Дѣло» № 8 (ноябрь) 1900 г. Органъ русскихъ социалдемократовъ стр. 55.